

**В. Скотт**

**Пертская красавица, или  
Валентинов день**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6  
ББК 84-4  
С44

С44 **Скотт В.**  
Пертская красавица, или Валентинов день / В. Скотт – М.: Книга по Требованию, 2021. – 358 с.

**ISBN 978-5-4241-2159-3**

«Пертская красавица» относится к «шотландскому» циклу исторических романов, которым начинается творчество Вальтера Скотта-прозаика («Уэверли», «Пуритане», «Легенда о Монтрозе»). Написанная за четыре года до смерти (1828), «Пертская красавица», пожалуй, наиболее полно характеризует своеобразие созданной им формы исторического романа.

**ISBN 978-5-4241-2159-3**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2021  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2021  
© В. Скотт, 2021

Вальтер Скотт  
Пертская красавица, или  
Валентинов день



# ПРЕДИСЛОВИЕ

Труды Кристела Крофтэнгри нашли продолжателей, но хотя за последние годы в печати появилось немало разных работ о шотландских гэлах, однако до сей поры не было сделано ни одной попытки обрисовать нравы, какие могли бытовать среди них во времена, когда «Книга статутов» и наряду с нею страницы летописцев начинают давать нам свидетельства тех трудностей, которые постоянно вставали перед короной, покуда на южной границе ее власти противостоял — едва ли не преобладая над ней — высокомерный дом Дугласов, а Север между тем раздирали на части еще не укroщенная дикость горских племен и дерзкая заносчивость, с какою выдвигали свои притязания иные из их вождей, особенно на далеких окраинах. Достоверный факт, что два могущественных клана выставили каждый по тридцать бойцов, чтобы в битве разрешить свой давний спор пред лицом короля Роберта III, его брата герцога Олбени и всего королевского двора Шотландии в городе Перте в 1396 году нашей эры, видимо, с равной отчетливостью обрисовывает как ярость племенной вражды у горцев, так и упадочное состояние государственной власти в стране, соответственно он и стал осью, на которой могли бы вращаться главные события романтического повествования. Характеры Роберта III, его честолюбивого брата и беспутного сына, казалось, обещали благоприятную возможность создания интересных контрастов, а трагическая судьба наследника престола с ее прямыми последствиями позволяла завершить картину жестокости и беззакония.

Две черты в истории этой битвы-турнира на пертском Лугу — бегство одного из назначенных бойцов и безудержная отвага некоего горожанина, добровольно вызвавшегося за мелкую монету занять его место в смертельном бою, подсказали образы вымышленных персонажей, которым и отведена в романе существенная роль. Изобразить сбежавшего с поля кельта было бы нетрудно, если бы был избран игривый стиль описания. Но автор думал, что получится новее — да и глубже будет интерес, — если удастся привлечь к этому герою некоторое сочувствие, несовместимое с полным отсутствием уважения. Мисс Бейли изобразила труса по природе, который под действием сильной сыновней любви способен вести себя как герой. Казалось возможным представить себе и такой случай, когда человека со слабыми нервами какое-то время поддерживают на высоте чувства чести и ревности, а потом он сразу сдается при таких обстоятельствах, что и самое храброе сердце не отказалось бы ему в сострадании.

Спор о том, какие именно кланы на самом деле участвовали в варварской битве на Лугу, вновь ожился после выхода в свет «Пертской красавицы», и, в частности, он подробно разбирается мистером Робертом Маккеем из Турсо в его весьма любопытной «Истории дома и клана Маккеев». Отнюдь не притязая на то, что он в своем исследовании хотя бы частично разрешил вопрос в позитивном плане, этот джентльмен сумел вполне убедительно доказать, что его собственный почтенный род не принимал в деле никакого участия. Маккеи проживали в ту пору, как проживают и ныне, на крайнем севере нашего острова, и вождь их был в те времена столь влиятельным лицом, что его имя и назначенная ему роль не могли быть опущены в первых отчетах о происшествии. Был случай, когда он привел от своего клана четыре тысячи человек в помощь королю против Власти-

теля Островов. Этот историк придерживается мнения, что кланом Кухил Уинтоун называют Камеронов, которые в те времена, кажется, чаще именовались Мак-Юэнами и лишь сравнительно недавно получили прозвание «Камерон», то есть «Кривой Нос» — по недочету на физиономии одного их геронческого вождя из рода Лохиель. Той же точки зрения придерживается и Дуглас в своей «Книге баронов», где он часто отмечает ожесточенность вражды между кланом Хаттан и кланом Кей, отождествляя второй из них — применительно к событиям 1396 года — с Камеронами. Едва ли возможно окончательно разрешить этот спорный вопрос, сам по себе малоинтересный, особенно для читателей по эту сторону Инвернесса. Уинтоун дает нам для тех двух враждовавших кланов имена «Кланх-вил» и «Клахиния» — причем второе, возможно, искажено переписчиком. В «Скоти-Хроникон» они даются как Кланкухил и Кланкей. Гектор Бозэй пишет «Кланхаттан» и «Кланкей», в чем ему следует Лесли, тогда как Бьюкенен почитает недостойным осквернять свои страницы гэльскими именами этих кланов и только описывает их как два могущественных племени в диком и беззаконном краю по ту сторону Гэмпианских гор. При такой путанице может ли какой-то сассенян надеяться, что ему удастся *dare lu-cem*?<sup>1</sup> Имя Кланхейл появляется только в 1594 году — в одном из актов Иакова VI. Нельзя ли предположить, что это в конце концов просто искаженное наименование клана Лохиель?

Возможно, читатель не без удовольствия прочтет здесь строки из стихотворного рассказа Уинтоуна:

*В тысяча триста девяносто  
Шестом году, чтоб в битве просто  
Решить издавний кровный спор,  
Сошлись шотландцы диких гор —  
По тридцать с каждой из сторон, —  
И каждый местью распален  
Всех — шестьдесят Клан Кухвил  
Одним из этих кланов был,  
Звался другой Клахиний.  
Их возглавляли сын вождя  
Ша Ферквариса у одних,  
Вождь Кристи Джонсон у других  
На тридцать — тридцать с двух сторон,  
И каждый злобой распален,  
Под монастырскою стеной  
Санкт-Джонстона вступили в бой.  
Ареной им — приречный луг,  
Оружием — кинжал да лук,  
Секира да двуострый меч,  
И стали — к черту! — сечь да сечь.  
Рубились яростно, доколе  
Телами не устали поле.  
Чья одолела сторона,  
Кому победа зачтена?  
Одно я знаю — изнемог  
И победитель. Вот итог:*

*Легло полсотни, остальных  
Убрали с поля чуть живых.*

Настоятель Лохливена не упоминает ни о бегстве одного из гэльских бойцов, ни о рыцарственной доблести пертского ремесленника, вызвавшегося принять участие в сражении. Однако оба эти происшествия приводятся — несомненно, по традиции — продолжателем Фордунा, чей рассказ излагается такими словами:

«В году господнем тысяча триста девяносто шестом значительная часть северной Шотландии, за горным хребтом, была взбаламучена двумя очумелыми катеранами и их приспешниками, а именно Шебегом с его сородичами из клана Кей и Кристи Джонсоном с его кланом, называемым клан Кухил, их невозможно было умиротворить ни через какие договоры и соглашения, и никакой король или правитель не мог их привести к подчинению, пока благородный и деятельный лорд, Давид Линдсейский и Крофордский, вместе с лордом Томасом, графом Морей, не приложили к этому делу свое усердие и силы и не уладили спор между двумя сторонами таким образом, что те согласились встретиться в некий назначенный день под городом Пертом пред лицом короля, выставив каждый от своего клана по тридцать человек против тридцати противной стороны и сразиться мечами, луками и стрелами, исключая всякое иное оружие или доспехи (кроме двуострых секир), каковая встреча и должна была положить конец их спору и установить мир в стране. Такой сговор весьма понравился обеим сторонам, и в ближайший понедельник, предшествующий празднику святого Михаила, на пертском Северном Лугу перед королем, правителем и великим множеством зрителей они вступили в самую ожесточенную битву, в которой из шестидесяти человек были убиты все, кроме одного со стороны Кланкея и одиннадцати с противной стороны. А еще случилось так, что когда все они собрались на арене битвы, один из них огляделся вокруг, ища пути к побегу, на глазах у всех бросился в Тэй и пересек его вплавь. В погоню за ним кинулись тысячи, но он так и не был схвачен. Оба отряда стояли друг против друга в недоумении и не могли приступить к делу из-за недостачи упавшего: ибо тот отряд, который был в полном числе, не соглашался, чтобы одного из них исключили, другая же сторона не могла ни за какую награду подрядить кого-либо взамен беглеца. Итак, все стояли в растерянности, сокрушаясь об утрате сбежавшего бойца. И думали уже, что всему делу конец, когда вдруг на середину арены врывается какой-то местный ремесленник, малорослый, но свирепый с виду, и говорит: „Вот я! Кто тут меня найдет, чтобы я вступил в театральное игрище с этими работниками? Я попытаю счастья в этой забаве за полкроны, а сверх того, оговорю лишь одно — что, если я вернусь с арены живой, я буду от кого-нибудь из вас получать довольствие до конца моей жизни, ибо, как говорится, „никто не возлюбит большей любовью, нежели тот, кто отдаст свою жизнь за друзей““. Так какой же награды заслуживаю я, готовый отдать свою жизнь за врагов государства и короля?“ То, о чем он попросил, было тут же обещано ему и королем и разными вельможами. Тогда тот человек сразу натянул свой лук и, первым послав в противный отряд стрелу, убил одного из бойцов. Тотчас же полетели стрелы туда и сюда, засвистали клинки, засверкали секиры, и как на бойне мясники разделывают быков, так здесь противники неустранимо рубились в сече. Среди всего их множества не нашлось ни единого, кто по слабости духа или со страху норовил бы, хоронясь за спиной другого, уклониться от этой резни. А тот наймит-добрый

волец в конце концов вышел из битвы невредим. С той поры Север надолго угомонился, и впредь не бывало, чтобы катераны совершили оттуда свои набеги».

Сцена эта у Бозция и Лесли разукрашена многими цветистыми добавлениями, а у Бьюкенена соревнующиеся дикие горцы произносят речи по самым признанным образцам из Ливия.

Преданность приемного отца и названных братьев юному вождю клана Кухил, как она изображена в романе, составляет характерную черту клановой верности, чему история Горной Страны дает немало примеров. Известен случай, когда в битве под Инверкитингом между роялистами и войсками Оливера Кромвеля один приемный отец и семеро его отважных родных сыновей таким же образом пожертвовали собой ради сэра Гектора Маклина из Дьюарта, причем старик отец каждый раз, как падал мертвым один из его мальчиков высыпал вперед другого занять его место по правую руку любимого вождя с теми самыми словами, которые позаимствованы отсюда для романа: «Еще один за Гектора!»

Да, чувства могут переходить из поколения в поколение. Покойный генерал Стюарт из Гарта (чья смерть явилась большой потерей для нашей страны) в своем отчете о сражении при Килликрэнки сообщает нам, что Лохиеля сопровождал на поле боя сын его названого брата: «Этот верный приверженец следовал за нами как тень, готовый помочь ему мечом или же прикрыть его своим телом от вражеского выстрела. Вдруг вождь почувствовал, что друга нет рядом с ним, и, оглянувшись посмотреть, что с ним приключилось, увидел его лежащим на взнучь с вонзившейся в грудь стрелой. Он умирал и при последнем дыхании лишь успел сказать, что, увидев, как враг, какой-то горец из армии генерала Маккея, целится в Лохиеля из лука, он забежал за его спину и заслонил от немедленной гибели. „Это особого рода долг, — добавляет рыцарственный Дэвид Стюарт, — не так уж часто выполняемый современными нашими адъютантами“ (см. „Очерки о горцах Верхней Шотландии“, т. I, стр. 65).

Мне остается лишь добавить, что вторая серия «Хроники Кэнонгейта» вышла в свет в мае 1828 года и встретила благосклонный прием.

*Эбботсфорд, 15 августа 1831 года*

# Глава I

*Тщеславный римлянин, увидев Тэй,  
Воскликнул встарь: «Глядите, Тибр,  
ей-ей!»*

*Но мы в отместку-то ужель не сме-  
ем*

*Их жалкий Тибр сравнитьс шот-  
ландским Тэем?*

*Неизвестный автор*

Если знатоку-чужеземцу предложат назвать самую живописную и пленительную область Шотландии, он, вероятно, укажет на графство Перт. Да и уроженец всякого другого округа Каледонии, даже если он из понятного пристрастия отведет первое место родному графству, на втором непременно поставит Перт — и тем самым даст его жителям гордое право утверждать, что Пертшир, по непредвзятыму суждению, являет собой красивейшую часть Северного королевства. Еще в давние годы леди Мэри Уортли Монтегю, чьи писания отмечены превосходным вкусом, высказала мнение, что в каждой стране самой живописной местностью, с наибольшим разнообразием и полнотой раскрывающей красоту природы, оказывается та, где горы, понижаясь, переходят в холмистые поля или равнину. Так и в Перте можно видеть хоть и не очень высокие, но необычайно живописные холмы. Реки дикими прыжками свергаются с вершин и по таинственным ущельям прокладывают себе дорогу из Горной Страны в Низину. На верху богатая растительность, вызванная к жизни благоприятными климатом и почвой, сочетается с обычными чертами горного ландшафта, а у подножия холмов рощи, дубравы и заросли кустарника одевают склоны, взбегают по лощинам, взбираются на кручи. В этих отрадных местах путешественник находит то, что Грей или кто-то другой из поэтов назвал «на лоне ужаса почившей красотой».

Благодаря счастливому расположению эта область отмечена самым приятным разнообразием. Ее озера, леса и горы поспорят красотою с любыми, какие встретит путешественник в Верхней Шотландии, но графство Перт, помимо романтических пейзажей, — а иногда и тут же, среди них, — радует глаз еще и полосами плодородной земли, не уступающей богатством даже веселой старой Англии. И немало этому краю довелось увидеть замечательных подвигов и событий — таких, что вошли в историю, и других, интересных для поэта или романиста, хотя память о них сохранило только народное предание. В этих долинах не раз происходили кровавые побоища между саксами Нижней Шотландии и гэльскими кланами, причем зачастую оставалось неясным, кто же одержал победу — закованные в броню рыцари Низины или их противники, горцы в шерстяных плащах.

Помимо красоты расположения, Перт замечателен своей древностью: старинное предание гласит, что он основан римлянами. Гордые победители, говорит оно, соизволили приравнять к Тибру судоходный и куда более величественный Тэй, а в широкой равнине, известной под именем Северного Луга, увидеть сходство с Марсовым Полем. Перт часто избирали своей резиденцией наши го-

судари, правда, у них не было в городе дворца, но они находили цистерцианский монастырь достаточно просторным, чтобы принять их со всем двором. Здесь Иаков I, один из умнейших и лучших королей Шотландии, пал жертвой зависти озлобленной аристократии. Здесь же возник и загадочный заговор Гаури, старинный дворец, где разыгралась эта трагедия, был разрушен лишь совсем недавно. В ревностном внимании к старине, Пертское антикварное общество опубликовало точный план этого исторического здания и в примечаниях, свидетельствующих о тонком и добросовестном исследовании предмета, приводит приуроченный к этому месту рассказ о заговоре.

Один из красавицейших пейзажей в Великобритании, а может быть, и во всем мире открывается — или, лучше скажем, открывался — из так называемых Врат Судьи. Это нечто вроде арки, под которой путешественник, покинув Кинросс, должен был проехать после долгого пути по неприглядной и пустынной местности, и тут перед ним с вершины высокого горного кряжа, куда он незаметно поднимался, развертывалась долина Тэя, прорезаемая полноводным и горделивым потоком: и город Перт с двумя прилегающими к нему широкими поймами, или Лугами, с колокольнями и башнями, и горы Монкриф и Кинноул, поднимающиеся вдали красивыми, мягкими уступами, кое-где одетыми лесом, и богатый берег реки с разбросанными по нему изящными строениями, а по краю кругозора — очертания могучих Грэмпийских гор, замыкающих с севера этот восхитительный ландшафт. Новая дорога — в общем, нельзя не признать, значительно улучшившая сообщение — проходит стороной, открывая описанный здесь великолепный вид не так неожиданно: он предстает взору по частям, но, впрочем, это зрелище, даже если мы приближаемся к месту постепенно, остается на редкость красивым. Еще сохранилась, кажется, тропа, ведущая к Вратам Судьи, так что путешественник, сойдя с коня или выйдя из кареты и пройдя несколько сот ярдов пешком, может сравнить подлинную картину с тем эскизом, который мы здесь попытались набросать. Но мы не властны передать (как и он не почувствовал бы) всю прелест, какую сообщает удовольствию неожиданность, если чудесный вид возникнет перед путником внезапно, в минуту, когда он никак не ожидал чего-либо подобного, никогда не изведал бы он того, что довелось испытать вашему покорному слуге, Кристелу Крофтэнгри, когда он впервые увидел несравненное это зрелище.

К восторгу, охватившему меня, примешивалось еще и ребяческое удивление, ибо мне было тогда не более пятнадцати лет, к тому же мне впервые разрешили отправиться так далеко на моем пони, так что мой восторг усиливало еще и волнующее сознание независимости, не чуждое некоторой тревоге, которую даже самый самонадеянный мальчик невольно почувствует, когда впервые должен будет положиться на собственное разумение. Помню, сам того не ожидая, я осадил лошадку и жадно смотрел на открывшийся вид, точно боясь, что его снимут, как театральную декорацию, прежде чем я успею ясно разглядеть его во всех подробностях или увериться, что любуюсь им наяву. Свыше пятидесяти лет протекло с гой поры, но неповторимая эта картина запечатлелась в моем уме и остается живой и яркой, когда многое из того, что повлияло на мою судьбу, безвозвратно ушло из памяти.

Вот почему, осмелившись занять внимание читателей развлекательной хроникой, я решил открыть ее рассказом, связанным с местностью, так поразившей

некогда мое детское воображение. Быть может, я при этом цепляюсь за надежду, что самый пейзаж своим благотворным воздействием вознаградит читателя за недочеты моего письма. Так иная дама воображает, что изящный фарфоровый сервис придает «букет» посредственному чаю<sup>2</sup>. В ряде писем из Пертшира мне сообщают, что я допустил кое какие мелкие погрешности в именах собственных. Но, несомненно, общее впечатление от долины Тэя и древнего юрода Перта, поднимающего свою седую голову среди тучных пастищ над сверкающими водами величавой шотландской реки, остается по прежнему столь ярким, что оно оправдало бы и более пламенные выражения, нежели те, какие нашлись у мистера Крофтэнгри — Август 1831 г.

Я задумал начать с поры куда более ранней, чем та, когда происходили примечательные исторические события, упоминавшиеся мною выше, — ибо все, о чем предстоит мне поведать, свершилось в последние годы четырнадцатого столетия, когда скипетр Шотландии держал в благородной, но слабой руке Джон Стюарт, принявший при вступлении на престол имя Роберта III.

## Глава II

*Пастушки губы — бархата нежней  
Не барыня — а та же сладость в ней.*

Если Перт, как мы отметили, по праву гордится красотами природы, то никогда он не был обделен другого рода красотою, более притягательной, хоть и не столь долговечной.

Прозываться «Прекрасной девой Перта» означало во все времена высокое отличие, и нужно было обладать поистине замечательной красотой, чтобы заслужить его в городе, где столько девушек могли притязать на эту завидную честь. А в феодальную эпоху, к которой ныне мы хотим привлечь внимание читателя, женская красота ценилась куда больше, чем впоследствии, когда идеи рыцарства стали угасать. У древних рыцарей любовь к женщине была своего рода дозволенным идолопоклонством, с которым могла сравниться страстью только любовь к небесам, да и то лишь в теории, так как на деле любовь к женщине почти неизменно брала верх. Имя бога и прекрасной дамы сердца запросто призывалось одним дыханием, и служение прекрасному полу вменялось в обязанность жаждущим посвящения в рыцари так же непреложно, как и благочестие. В те времена власть красоты была почти безгранична. Она могла уравнять со знатным вельможей девушку простого звания.

Незадолго до воцарения Роберта III, при его предшественнике, одна лишь красота позволила особе низкого рождения и сомнительной нравственности разделить с королем шотландский престол. И многие другие женщины, менее ловкие или не столь удачливые, начав свой жизненный путь наложницами, достигали высокого положения, — что допускалось и оправдывалось нравами тех времен. Такие примеры могли бы вскружить голову и девице более высокого рождения, чем Кэтрин, или Кейт, Гловер, которая была всенародно признана красивейшей из молодых обитательниц города и окрестностей и чье звание «пертской красавицы» неизменно привлекало к ней взоры юных щеголей, когда королевскому двору случалось обосноваться в Перте или поблизости от него, и добавим, что иной высокородный дворянин, прославившийся воинскими подвигами, так старался щегольнуть красивой посадкой в седле, проезжая по Кэрфьюстрит, мимо окон Саймона Гловера, как не домогался бы победы на турнире, где его искусство могли оценить самые высокородные дамы Шотландии.

Но дочь Гловера-перчаточника (ее отец, как было принято в ту пору среди горожан, получил фамилию по своему ремеслу) не слушала любезностей, которые расточали перед ней вельможные поклонники. И хотя Кэтрин сознавала, конечно, свою привлекательность и не так уж была равнодушна к ней, она стремилась, как видно, одерживать победы только над людьми своего круга. Обладая красотою совсем особого рода! — той, что мы связываем больше с духовной, нежели с телесной сущностью, — она при всей природной доброте и милом нраве казалась скорее замкнутой, чем веселой, даже когда находилась среди равных, а глубокое чувство, с каким отправляла она долг благочестия, наводило многих на мысль, что Кэтрин Гловер затаила желание удалиться от мира и склонить себя в монастырских стенах. Но если и были у нее подобные мысли, едва ли следовало ожидать, что ее отец, слывший человеком состоятель-